

Д.Ю. Арапов

Государственное регулирование ислама в Российской империи и Советском Союзе*

Целью настоящей работы является ретроспективное изучение политики государства по отношению к исламу в России на протяжении двух с половиной последних столетий. Источниками послужили различные законодательные акты и материалы богатых московских и петербургских архивных собраний, многие из которых были впервые введены в научный оборот. Основной упор исследования сделан на историю возникновения и трансформации муфтиятов — характерного для поздней царской и советской России инструмента государственного управления духовной и правовой жизнью мусульманского сообщества страны. В исламе, как известно, нет института церкви, тем не менее с конца XVIII в. царские власти в целях удобства «государственного присмотра» над мусульманами стали выстраивать нечто вроде Русской Исламской церкви. Постепенно была создана система «магометанских» духовных правлений. Это были Оренбургский (в Уфе) и Таврический (в Симферополе) суннитские муфтияты, Духовные правления суннитов и шиитов Закавказья в Тифлисе. Их руководители утверждались царем и были подконтрольны Департаменту духовных дел иностранных исповеданий имперского МВД, который существовал до революции 1917 г. [Арапов, 2004].

Имперское наследие: от признания ислама к контролю над ним

В начавшийся в XVIII в. «петербургский» период русской истории политика государства по отношению к исламу и мусульманам оставалась достаточно противоречивой. По воле Петра Великого русским ученым Петром Постниковым был сделан в 1716 г. русский перевод Корана,

* Работа подготовлена по проекту «Духовные управления мусульман на Северном Кавказе и в Волго-Уральском регионе: сходства и различия» при содействии и финансовой поддержке Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования, которому автор выражает свою искреннюю благодарность.

первый русский востоковед князь Дмитрий Кантемир в 1722 г. опубликовал первое в России исследование об исламе — «Книга система, или Состояние Мухаммеданския религия». В целом, однако, законодательство первых русских императоров и императриц было направлено на ограничение ислама. Строительство новых мечетей было затруднено, всячески поощрялись переход мусульман в православие и миссионерская деятельность православного духовенства. Попытки возврата из православия в ислам жестко пресекались. Так, в 1738 г. по указу императрицы Анны Иоанновны «определением» екатеринбургского правителя В.Н. Татищева был сожжен «совратившийся паки в махOMETанский закон» Тойгильда Жуляков. Один из первых русских историков, Татищев лично был сторонником курса терпимости по отношению к исламу и автором первой научной программы изучения мусульман России [Русская..., 1996, с. 88–89]¹. Однако в данном случае как царский администратор Татищев следовал букве закона.

Политика дочери Петра Великого — императрицы Елизаветы Петровны, женщины чрезвычайно набожной, весьма благоволившей буддистам, была по отношению к исламу неблагоприятной. Но государственные интересы и тогда, как правило, преобладали. Именно при Елизавете Петровне в 1755 г. первым русским генералом-мусульманином стал сподвижник Петра Великого, крупный дипломат, незаурядный, но жесткий администратор Кутлу-Мухаммед Тевкелев [Гилязов, 1989]. Но все же недостаточно толерантное поведение властей империи вызывало раздражение верхов мусульманской общины России. Оно нашло отражение в наказах мусульманских депутатов в Уложенную комиссию 1767 г., где подчеркивалась необходимость снятия ограничений в отпращивании религиозных обрядов ислама.

Ожиданиям российских мусульман ответила политика веротерпимости, которая начала проводиться в России во времена царствования самой выдающейся правительницы в истории страны — императрицы Екатерины II. В своем знаменитом Наказе в Уложенную комиссию 1767 г. царица отметила, что «весьма бы вредный для спокойства и безопасности своих граждан был порок, запрещение или недозволение их различных вер» [Ислам..., 2001, с. 44]. Данное положение вписывалось в рамки идеологии просвещенного абсолютизма.

Реализация принципа веротерпимости была стимулирована внешними событиями того времени — первым разделом Польши и Русско-турецкой войной 1768–1774 гг. Необходимость защиты православного населения на территории католической Речи Посполитой, стремление обеспечить спокойствие жителей Крыма, занятого в ходе войны с турками, способствовали тому, что в 1773 г. был взят курс на политику веротерпимости, причем внутри страны — в первую оче-

1 | Аналогично по шариату смертной казни заслуживал за отход от ислама новообращенный мусульманин. См.: Торнау, 1991, с. 470; Татищев, 1950, с. 93, 199.

редь по отношению к исламу и мусульманам. Интересно, что это начинание произошло почти одновременно в двух соперничавших в то время в России центрах политической власти. 17 июня 1773 г. веротерпимость была провозглашена в указе Екатерины II, разрешившем строительство мечетей для мусульман России, осенью того же года принцип религиозной свободы для приверженцев ислама начал практически осуществляться в Приуралье и Поволжье “императором Петром Федоровичем” — Е.И. Пугачевым. Можно констатировать, что оба смертельных врага в борьбе за власть над Россией уловили назревшую общегосударственную потребность в проведении более гибкой религиозной политики по отношению к неправославным жителям империи, в первую очередь — мусульманам.

В 1774 г. по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору Россия признала духовный авторитет турецкого султана “яко Верховного Калифа Магометанского закона” [Цит. по: Под стягом..., 1992, с. 81]. Правда, в 1783 г. Россия в одностороннем порядке аннулировала эту статью мирного договора, но все последующие правители страны (до В.И. Ленина включительно) считались с халифатом Османов как с важнейшим идеологическим и политическим фактором [Бартольд, 1966, с. 74–75; Вдовиченко, 1997].

Включая Крым и Кубань в состав Российского государства, Екатерина II в своем Манифесте 8 апреля 1783 г. провозгласила обещание мусульманам Тавриды «охранять и защищать их лица, храмы и природную веру, коей свободное отправление со всеми законными обрядами пребудет неприкосновенно» [Ислам..., 2001, с. 47]. Аналогичная политика по отношению к мусульманам проводилась и в других районах империи. Так, «Манифест о присоединении к России Великого княжества Литовского» 1795 г. распространял гарантию свободного исповедания веры не только на католическое христианское большинство населения края, но и на литовских татар-мусульман.

Данные и подобные им указы екатерининского времени достаточно убедительно показывают, что именно тогда русская власть пришла к пониманию необходимости соблюдать в отношениях с различными по вере и языкам подданными важнейший принцип устойчивости любой империи: «Мы вами владеем, вы нам подчиняетесь, платите налоги, за это живите и веруйте, как хотите». При этом и при Екатерине II, и при всех ее преемниках главным обязательным условием для всех жителей страны, в том числе и мусульман, оставалось требование абсолютной лояльности и преданности существующему строю и царствующему дому Романовых.

Признав права мусульманской общины России на ее религиозную самобытность, русская власть стала более активно, чем раньше, встраивать ее в систему государственного устройства империи. Ускорился процесс включения мусульман в различные сословия и сослов-

ные группы и органы управления с распространением на них соответствующих прав и обязанностей.

Особое внимание было уделено организации государственного регулирования «сверху» религиозной жизни российского мусульманства. Как известно, ислам не имеет ни церковно-иерархической организации, ни института монашества. Анализ действий властей в данном вопросе позволяет предположить, что ими делались попытки устроить нечто вроде «Русской исламской церкви» наподобие православия. В известной степени это было действительно так, но, во-первых, здесь, на наш взгляд, не было какой-либо специальной, заранее заданной антиисламской направленности, во-вторых, светская власть преследовала цели не столько «религиозные», сколько «правительственные».

Главный принцип конфессиональной политики Российской империи заключался в стремлении к полному государственному контролю над всеми без исключения религиозными институтами на территории страны. Как известно, первой жертвой этой политики стала самостоятельность самой Русской православной церкви, превратившейся после ликвидации патриаршества и создания в 1721 г. Святейшего Синода в специфическое, особое, но все же чисто государственное учреждение. Именно с этой точки зрения для большего удобства государственного надзора над жизнью российского мусульманства с конца XVIII в. власти империи приступили к созданию необходимых, по их мнению, религиозных учреждений и форм организации их служителей.

Рядом законодательных актов екатерининского времени было начато формирование органов управления мусульманами России. В 1788 г. создается Оренбургское магометанское духовное собрание, юрисдикция которого была вначале распространена на всю Россию. Последующими указами и распоряжениями были определены его структура и штат, выделены необходимые для его деятельности казенные денежные средства. После присоединения Крыма к России русское правительство взяло на себя содержание существовавшего при Гиреях муфтията. В 1794 г. было объявлено о создании Таврического магометанского духовного правления, фактическое образование которого произошло позже, в 1831 г. [Ислам..., 2001, с. 50–58].

Усиление революционного брожения в Европе привело преемника Екатерины II императора Павла I к идее объединения всех религий (прежде всего христианских) под эгидой русского царя для борьбы с антимонархическим духом «неверия» и «атеистического вольнодумства». С этой точки зрения не случаен союз монархии Романовых с халифом — султаном Турции в 1798–1800 гг. для уничтожения Французской республики.

Хотя император Александр I не продолжил в целом курс политики своего отца, но наметившаяся в павловское время идея централиза-

ции контроля над конфессиями империи была реализована именно в первой четверти XIX в. По замыслу выдающегося русского реформатора М.М. Сперанского одним из центральных ведомств России должен был стать «особенный департамент духовных дел», созданный для «охраны обрядов» всех религий государства [Сперанский, 1961, с. 94, 104, 208]. Данный проект, как и многие другие начинания тех лет, во многом отталкивался от опыта наполеоновской Франции. Там в 1801 г. было создано центральное управление духовных дел, преобразованное в 1804 г. в Министерство исповеданий; главой этого ведомства был поставлен выдающийся юрист, один из авторов «Гражданского кодекса» Порталис [Темниковский, 1898, с. 214–219].

В 1810 г. рядом со Святейшим синодом было создано на правах особого министерства Главное управление духовных дел разных (иностранных) исповеданий, под контроль которого были поставлены «все предметы, относящиеся к духовенству разных иностранных религий и исповеданий, изключая судебных их дел» [Ислам..., 2001, с. 63–64]. В 1817 г. под руководством одного из наиболее доверенных лиц Александра I князя А.Н. Голицына было образовано объединенное Министерство духовных дел и народного просвещения, где в рамках одного ведомства оказались контроль над всеми религиями и системой учебных заведений империи. Новое учреждение должно было способствовать усилению борьбы с идеологическим вольнодумством, пропаганде религиозных, в первую очередь христианских, ценностей. Однако благодаря традиционно-изоляционистскому подходу верхушки православного духовенства, интригам недоброжелателей, недовольству все более всесильного графа А.А. Аракчеева возглавлявшееся князем Голицыным объединенное министерство просуществовало недолго. В 1824 г. по воле разочаровавшегося в своем первоначальном замысле Александра I оно было ликвидировано. Через восемь лет, в 1832 г., управление делами иноверцев было преобразовано в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) и включено в структуру Министерства внутренних дел, где оно находилось (за исключением короткого промежутка времени в 1880–1881 гг.) вплоть до 1917 г. [Главное..., 1996, с. 182–183].

Эпоха правления преемника Александра I — его брата Николая I была временем принятия особо значительного количества законодательных решений по вопросам жизни ислама и мусульман в России. При Николае I продолжалась работа по формированию общегосударственной системы мусульманских учреждений империи. В 1831 г. произошло фактическое образование Таврического магометанского духовного правления, юрисдикция которого была распространена на западные районы монархии Романовых. В годы николаевского царствования шла подготовка по созданию управлений суннитской и шиитской общинами Закавказья, реализованная позже, в 1872 г. Наконец, тогда в рамках разработки общеимперского законодательства был под-

готовлен принятый в самом начале правления императора Александра II в 1857 г. первый «Устав духовных дел иностранных исповеданий»², специальный раздел которого посвящался мусульманам.

Анализ многочисленных николаевских указов о мусульманах дает возможность выяснить отношение самодержавия к исламу во второй четверти XIX в., а также позволяет увидеть более общую картину политики российских властей от 14 декабря 1825 г. до Крымской войны. Внешний блеск гигантской империи скрывал постоянные опасения царя и его окружения по поводу возможного возникновения внутренних и внешних угроз, которые могли привести к «потрясению основ». Отсюда, на наш взгляд, проистекала заметная противоречивость указов по исламским делам. Достаточно продуманные, действительно государственные решения сочетались с указаниями недалекими. К числу последних, несомненно, можно отнести указ от 13 мая 1830 г. «О неотступлении от общих правил при погребении Магометан» [Ислам..., 2001, с. 82–85]. Правда, известно, что в России «против плохих законов есть надежное средство — их плохое исполнение». По нашему впечатлению, местная администрация, которой пришлось бы в случае попытки исполнить этот приказ царя тут же вступить в конфликт с мусульманским населением, постаралась, насколько это было возможно, спустить его, что называется, «на тормозах».

Целый ряд указов Николая I был связан с событиями Кавказской войны, задачами выстраивания отношений с мусульманами Адыгеи, Дагестана и других южных районов империи, где шли постоянные военные действия. Российское законодательство о мусульманах тех десятилетий достаточно ярко отразило по-своему неповторимую личность Николая I. Его резолюции на докладах, иногда подробные и мотивированные, иногда повелительно-краткие, по делам общего значения или по отдельным казусам, по меткому суждению русского историка А.Е. Преснякова, были проявлением «своеобразного личного законодательства императора, которое носило неизбежно отрывочный и случайный характер» [Пресняков, 1990, с. 287]. При преемниках Николая I число общегосударственных указов о мусульманах заметно сократилось, основные решения теперь принимались внутри скрытой от постороннего наблюдателя бюрократической машины империи.

К началу XX в. сложилась достаточно законченная система мусульманских духовных учреждений на территории страны. Районы Европейской России и Сибири курировались замыкавшимися на Министерство внутренних дел Оренбургским и Таврическим муфтиятами. Жизнь мусульман Кавказа руководили созданные в 1872 г. суннитское и шиитское духовные управления, подведомственные царской администрации края [Ислам..., 2001, с. 184]. Особые правила опреде-

2 | Данный законодательный акт в служебной переписке, научной литературе и публицистике чаще всего упрощенно назывался «Устав духовных дел иностранных исповеданий».

ляли организацию мусульман на территории Степного генерал-губернаторства. Наконец, в Туркестанском крае специального органа по управлению мусульманами вообще не существовало, принципиальные вопросы жизни мусульманской общины здесь определяли сами местные власти, подведомственные в Петербурге Военному министерству [Литвинов, 1998].

Центральным правительственным органом, контролировавшим жизнь российского мусульманства, по-прежнему оставался Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) Министерства внутренних дел. К началу XX в. МВД являлось главным ведомством по общему управлению страной, его министр (по выражению Р. Пайпса) «был чем-то вроде верховного управляющего империи» [Пайпс, 1994, с. 84]. При надзоре над иноверцами первостепенной задачей МВД и ДДДИИ как его подразделения была обязанность поддержания «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [Министерство, 1901, с. 153].

В огромной структуре МВД ДДДИИ был, пожалуй, одним из самых небольших по численности департаментов (30–40 чиновников). Большинство из них к началу XX в. имело, как правило, высшее образование (Петербургский и Московский университеты, Училище правоведения, Киевская и Казанская духовные академии). Штат сотрудников ДДДИИ был распределен по трем его отделениям, последнее из которых ведало нехристианскими религиями, в том числе российским мусульманством. В отличие от других подразделений МВД, ДДДИИ не имел своих структур на местах, и его деятельность здесь проводилась через существовавшие административные органы.

Важной особенностью ДДДИИ как одного из звеньев (наряду с Синодом) в системе охраны официально-православных устоев империи была высокая требовательность к вероисповеданию его сотрудников. В других правительственных ведомствах и структурах иноверцы порой могли занимать самые высокие посты. В ДДДИИ служили только православные чиновники³. Исключение крайне редко могло делаться для доказавших свою абсолютную преданность трону «обрусевших инородцев». Так, одним из первых директоров ДДДИИ (1829–1840) был известный мемуарист Ф.Ф. Вигель. В середине XIX в. экспертом ДДДИИ по вопросам ислама являлся профессор А.К. Казем-Бек, шиит, в молодости принявший пресвитерианство.

Круг вопросов жизни мусульманской общины, который регулировался ДДДИИ, раскрывается содержанием разделов его фонда в Рос-

3 | После 1917 г новая власть сохранила высокую степень требовательности (но уже по другим критериям) к подбору сотрудников органов по контролю за религиозными культурами. Так, в 40-е годы эти структуры были одними из тех мест, куда определялись уцелевшие после чисток ветераны «ленинской гвардии» — члены партии с дореволюционным стажем И.В. Сталин подозревал, что многие из них его не любят, но он был твердо уверен в их беспощадной жесткости по отношению ко всем религиям и религиозным институтам.

сийском государственном историческом архиве: «Органы управления духовными делами мусульман», «Образование мусульманских приходов», «Постройка и открытие мечетей и молитвенных домов мусульман», «Мусульманские секты», «Мусульманская печать», «Открытие мусульманских учебных заведений», «Имущество мусульманского духовенства и мусульманских духовных учреждений», «Брачные и бракоразводные дела лиц мусульманского вероисповедания», «Метрификация мусульман», «Приведение к присяге мусульманского духовенства и русско-подданных мусульман», «Воинская повинность лиц мусульманского вероисповедания» и др. [РГИА, ф. 821, оп. 8, Оглавление].

Департамент ДДДИИ находился в постоянном контакте с другими центральными и местными ведомствами и учреждениями империи. Так, вместе с Министерством финансов решались вопросы оплаты штатных духовных и светских лиц в системе мусульманских духовных управлений, вместе с Военным министерством регулировалась деятельность военных мулл в армии, вместе с Министерством народного просвещения обеспечивалось преподавание основ шариата учащимся-мусульманам в учебных заведениях империи и т.д.⁴

Однако в этом хорошо отлаженном круговороте повседневной бюрократической деятельности все более заметно звучали тревожные настроения. На рубеже XIX–XX вв. империя Романовых вступила в эпоху «сумерек монархии». Два последних десятилетия XIX в., совпавшие с царствованием Александра III и первыми годами правления Николая II, стали временем торжества охранительной политики «православного консерватизма», попытки «великодержавного» наступления на права неправославного населения [Зайончковский, 1970, с. 117].

Необходимо отметить, что и в это время позиции ислама, особенно на окраинах, были затронуты, пожалуй, менее всего. Так, шел процесс постоянного усиления влияния мусульманства среди еще полужызыческих казахских племен и татар Сибири. Практически полностью сохранялось безраздельное влияние ислама на территории Туркестанского края.

Последний крупный государственный деятель царской России — П.А. Столыпин, и его часто менявшиеся преемники пытались еще как-то удержать все более грозящее падением здание некогда могущественной империи. В годы Первой мировой войны, в последние месяцы существования монархии Романовых чиновники МВД, в том числе и ДДДИИ, лишь бессильно наблюдали за происходившими в русском обществе, в том числе и в мусульманской его части, процессами и не принимали каких-либо реальных мер (да, видимо, уже и не смогли бы что-либо сделать), чтобы предотвратить наступление покончившей с самодержавием русской революции 1917 г.

4 | Сведения о связях ДДДИИ с Оренбургским муфтием и местной царской администрацией содержатся в издании: Сборник..., 1905.

Ранняя советская политика по отношению к исламу

Вопрос об отношении к миру ислама был поставлен уже в первые дни после прихода большевиков к власти⁵. Официальная советская позиция по этому вопросу была декларирована 20 ноября (3 декабря) 1917 г. в обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанным председателем СНК России В.И. Лениным и наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным. Верования и обычаи советских мусульман, их культовые и культурные учреждения провозглашались «свободными» и «неприкосновенными». Лидеры большевиков призывали мусульман Востока оказать советам «сочувствие» и «поддержку» в борьбе «за освобождение угнетенных народов» от социального, в первую очередь империалистического, гнета. В тот же период времени Советы, руководствуясь как известными, просветительскими, по сути своей чисто буржуазными принципами, так и своими конкретными политическими целями, обнародовали Декрет от 20 января (2 февраля) 1918 г., по которому церковь отделялась от государства, а школа от церкви [Декреты..., 1957, с. 373–374]. Последняя часть данного законодательного акта вызывала негативную реакцию в отечественных конфессиональных кругах, в том числе у мусульманских духовных лиц и их паствы.

Необходимо учитывать то, что в условиях Гражданской войны 1918–1920 гг. и первых лет после нее реализация «школьного» раздела Декрета 1918 г. происходила в мусульманской среде крайне медленно. К тому же острота задачи удержания власти во многом определила достаточно гибкую и осторожную партийно-советскую политику, проводимую до конца 20-х гг. по отношению к исламу на Волге, Урале и Северном Кавказе [Чеботарева, 2004].

Более драматический характер развитие событий приняло тогда в Туркестане, где проживала почти половина мусульман дореволюционной России⁶. В 1918–1919 гг. местное советское русское (и русскоязычное) руководство заняло по отношению к «коренному» исламскому населению региона великодержавную позицию. Это, в свою очередь, привело к резкому усилению антирусских и антисоветских настроений и массовому распространению в крае проходящего под лозунгами «джихада» басмаческого движения. Лишь после специального вмешательства Москвы, умелых действий прибывших в Среднюю Азию М.В. Фрунзе и В.В. Куйбышева сложившаяся в Туркестане межэтническая напряженность в известной степени ослабла.

5 | По оценке академика В.В. Бартольда, в России на 1917 г. проживало примерно 18–20 миллионов мусульман.

6 | На территории русского Туркестанского генерал-губернаторства (вместе с населением вассальных Бухары и Хивы) проживало более 10 миллионов мусульман. После революции 1917 г. в Средней Азии образовались Туркестанская АССР в составе РСФСР (1918), Бухарская и Хивинская народные советские республики (1920). В процессе национально-государственного размежевания в 1924–1925 гг. образовались Узбекская и Туркменская ССР, Таджикская АССР (с 1929 г. Таджикская ССР), Кара-Киргизская АО (с 1936 г. — Киргизская ССР). Казахская АССР входила в состав РСФСР, с 1936 г. также стала самостоятельной ССР.

Как же была организована структура мусульманских духовных учреждений в первые два десятилетия советской истории?

На протяжении первых лет советской власти в стране стала формироваться новая структура мусульманских духовных институтов. В Уфе преемником Оренбургского суннитского муфтията с 1920 г. выступало Центральное Духовное Управление мусульман (ЦДУМ), которое ведало конфессиональной жизнью последователей «магометанского закона» во Внутренней России, Сибири и Казахстане [Ислам..., 2004, с. 362–365]. Данный орган был тогда, несомненно, наиболее значительным по своему влиянию отечественным исламским учреждением на территории бывшей Российской империи. В Крыму на смену Таврическому суннитскому муфтияту в 1923 г. пришло Крымское «центральное мусульманское народное управление религиозным делами». Однако под нажимом властей деятельность этого исламского института протекала в крайне трудных условиях, и, судя по имеющимся в литературе данным, в 1928 г. он прекратил свое существование⁷. Находившиеся до 1917 г. в Тифлисе Духовные правления суннитов и шиитов с распадом Закавказья на отдельные государства (Грузию, Армению и Азербайджан) прекратили свое существование; никаких заменивших их исламских структур тогда так и не возникло. Насколько известно, децентрализованной оставалась, как и до 1917 г., духовная жизнь северокавказских мусульман. В Средней Азии наибольшее количество мусульман проживало на территории образовавшейся в 1924 г. Узбекской ССР. Есть информация о существовании духовных управлений мусульман в разных областях Узбекистана, но центральные и местные власти и спецслужбы всячески препятствовали образованию общеузбекского исламского центра.

В 1917–1936 гг. «мусульманским делом» занимались различные партийно-советские и чекистские структуры. Определяющую роль здесь играло мнение компартии, которая в 1917–1991 гг. выступала в качестве своего рода советского «коллективного государя»⁸. Высшие решения по «мусульманскому вопросу» имела право принимать «Инстанция», т.е. политическое руководство страны, где к концу 20-х гг. первенствующее значение стал играть И.В. Сталин. Среди более низших компартийных структур, ведавших в 20-е гг. «мусульманством», выделялись «сверхсекретные» Комиссия по делам отделения церкви от государства при ЦК и Антирелигиозная комиссия при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК, руководившие «безбожной» политикой советского государства. Исламом и его последователями в 20–30-е гг. занимались такие советские структуры, как Народный комиссариат по делам национальностей и Постоянная комиссия (ранее отдел) по вопросам культов при ВЦИК

7 | Более подробно см.: Арапов, 2007, с. 59–60.

8 | По наблюдению итальянского марксиста А. Грамши в XX в. партии стали выступать в виде своего рода «коллективных государей» [Грамши, 1959, с. 114].

(ЦИК СССР). Однако наиболее важное место в «государственном при-смотре» за религиями, в том числе исламом, на протяжении всей советской истории занимали спецслужбы. В 1917–1946 гг. речь шла о структурах ВЧК (1917–1922 гг.), ОГПУ (1922–1934 гг.) и НКВД (с 1934 г.) [Лубянка, 2003]. Особое значение в 20-е гг. играл Восточный отдел ОГПУ, который курировал все аспекты борьбы с «восточной контрреволюцией». После упразднения в 1929 г. Восточного отдела «исламские» сюжеты перешли в ведение Секретного отдела ОГПУ. Разработкой религиозных дел в стране в целом здесь занимался руководящий работник этого отдела, опытный чекист Е.А. Тучков, хорошо зарекомендовавший себя в глазах высшего политического руководства успешным, с точки зрения большевиков, проведением «дела патриарха Тихона». К сожалению, доступные нам документы отражают крайне неполно процесс выработки властных решений по «исламскому делу». Комплекс обращений руководства ЦДУМ к советским структурам и их руководителям свидетельствует об отчаянной борьбе мусульманских духовных деятелей за сохранение хоть каких-то исламских культовых зданий и возможности деятельности мусульманских служителей культа. В этой тяжелой ситуации муфтий Р. Фахретдинов и его окружение всячески подчеркивали свою «советскость» и полную политическую лояльность по отношению к государству диктатуры пролетариата. [Ислам и советское государство, 2010]. В свою очередь занимавшиеся исламом видные партийные и советские чиновники — Е.М. Ярославский⁹, В.Р. Менжинский¹⁰, Я.Х. Петерс¹¹, П.А. Красиков¹², П.Г. Смидович¹³ — в целом рассчитывали добиться «отмирания» мусульманского вероучения, что соответствовало программным партийным документам¹⁴. Пока, однако, неясно, кто же ведал «исламским делом» среди членов высшего политического руководства. Нам представляется, что скорее всего этим человеком являлся сам И.В. Сталин, как известно, имевший специальное (правда, незаконченное) богословское образование и обладавший немалым опытом дореволюционной подпольной работы в мусульманском Закавказье и знанием особенностей исламской жизни.

9 | Ярославский (Губельман) Емельян Михайлович — советский партийный деятель. Член компартии с 1898 г. Был постоянным членом всех партийных «безбожных» комиссий, являлся председателем Всесоюзного общества «Безбожник». Автор ряда трудов по «научному атеизму».

10 | Менжинский Вячеслав Рудольфович — советский партийный и государственный деятель. Член компартии с 1902 г. В 1923–1926 гг. заместитель председателя ОГПУ, с 1926 г. — председатель ОГПУ. Член партийных «безбожных» комиссий.

11 | Петерс Яков Христианович — советский партийный и государственный деятель. Член компартии с 1904 г. Один из «отцов-основателей» органов советской госбезопасности. Член коллегий ВЧК и ОГПУ. В 1922–1929 гг. — начальник Восточного отдела ОГПУ. Участник работы партийных «безбожных» комиссий.

12 | Красиков Петр Ананьевич — советский партийный и государственный деятель. Член компартии с 1892 г. В 20–30-х гг. занимал руководящие должности в советской судебной системе, с 1935 г. — председатель Постоянной комиссии по вопросам культов при ЦИК СССР. Участник работы партийных «безбожных» комиссий.

13 | Смидович Петр Гермагенович — советский партийный и государственный деятель. Член компартии с 1898 г. С 1917 г. — член Президиума ВЦИК. Руководитель отдела (затем Постоянной комиссии) по вопросам культов при ВЦИК (ЦИК СССР) до 1935 г. Активный член партийных «безбожных» комиссий.

14 | В принятой в 1919 г. второй Программе компартии ставился вопрос о создании комплекса предпосылок, способствующих «полному отмиранию религиозных пережитков». Для достижения этой цели предусматривалось осуществление программы «самой широкой научно-просветительской и антирелигиозной пропаганды» [Восьмой съезд, 1959, с. 401–402].

Советская государственная политика по отношению к исламу и мусульманам была тесно связана с положением дел в стране. В 1917–1929 гг. большевистский режим в силу внутренних и внешних причин воспринимал отечественное «мусульманство» в целом более или менее терпимо. Исламские духовные учреждения, школы, их служители и преподаватели избежали тогда тех гонений, которые обрушились на Русскую православную церковь¹⁵. Ситуация изменилась на рубеже 1920–1930-х гг., с наступлением эпохи так называемого «великого перелома». Жестокие репрессиям подверглись теперь все конфессии в СССР, в том числе ислам, его культовые учреждения и их служители. Мечети закрывались, система исламского образования была упразднена, мусульманские духовные лица в массовом порядке арестовывались. Большинство исламских конфессиональных правлений было закрыто; формально сохранилось лишь Духовное управление мусульман Внутренней России, Сибири и Казахстана (ЦДУМ) в Уфе, но его деятельность была практически заморожена [Ислам..., 2004, с. 364; Юнусова, 1999, с. 170–197].

Муфтияты и Совет по делам религий в послевоенном в СССР

Положение стало меняться лишь с началом Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Необходимость укрепления социально-политической базы режима заставила советское руководство уже в первые месяцы войны разрешить верующим, в том числе мусульманам, восстанавливать систему публичного функционирования их духовной обрядности. Стали открываться ранее закрытые мечети; мусульманские духовные лица, заняв патриотическую позицию, организовывали сбор средств в помощь действующей армии (покупка вооружения, медицинского оборудования, медикаментов и др.). Мусульманами принимались коллективные заявления с осуждением преступных действий немецко-фашистских захватчиков. Так, 15 мая 1942 г. было принято «Обращение представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии». Его подписала группа мусульманских духовных лиц во главе с муфтием (председателем) ЦДУМ Г. Расулевым [Одинцов, 2005, с. 246–249].

Особую роль в событиях тех лет, связанных с возрождением отечественного ислама, сыграл старейший узбекский мусульманский деятель восьмидесятипятилетний Ишан-хан Баба-хан (Бабаханов) [Бабджанов, 2003; Усманходжаев, 2008, с. 24–65]. В первой половине 1943 г. он встречался в Ташкенте с советскими руководителями Узбекистана, которые сообщили ему о том, что Москва дала разрешение на

15 | 0 положении отечественного ислама в первые годы советской власти см.: Арапов, Косач, 2007.

образование Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. По воспоминаниям дочери Бабаханова, на рубеже лета — осени 1943 г. ее отец отправился в Москву, где побывал на приеме у И.В. Сталина. По словам Ишан-хана Баба-хана, Сталин «уважительно и доброжелательно расспрашивал о настроении мусульман, об их жизни, предложил собрать курултай [съезд] мусульман, образовать Духовное управление и решительно вести борьбу против захватчиков» [Усманходжаев, 2008, с. 42]. Эта встреча Сталина с видным представителем мусульманских духовных кругов вполне укладывается в общее русло советской конфессиональной политики тех лет. Так, 5 сентября 1943 г. произошла широко известная беседа Сталина с группой высших православных иерархов. В ходе ее именно глава компартии и советского правительства настоял на «большевистских», то есть скорейших, темпах созыва Поместного собора Русской православной церкви с целью избрания нового патриарха [Одинцов, 2005, с. 308]. Подобные советские либеральные решения по «конфессиональному вопросу» диктовались в то время как внутренними причинами, так и внешнеполитическими обстоятельствами. Накануне предстоящих в конце 1943 г. Тегеранской конференции и первой встречи «Большой тройки» (Сталин — Черчилль — Рузвельт) СССР должен был продемонстрировать всему миру, что в стране Советов нет никаких проблем с соблюдением религиозных свобод¹⁶.

Курултай мусульманских улемов Средней Азии и Казахстана состоялся 15–20 октября 1943 г. Было принято решение о создании Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ). Председателем (муфтием) САДУМ единогласно был избран Ишан-хан Баба-хан, ответственным секретарем — его сын и будущий преемник, муфтий 1958–1982 гг., Зияутдин [Бабаджанов, 2003]. В те же военные годы в Уфе возрождается деятельность ЦДУМ, преобразованного в 1948 г. в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС). В 1944 г. заново создаются Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) в дагестанском городе Буйнакске (после съезда 1975 г. оно переехало в столицу Дагестанской АССР Махачкалу) и Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗ) в Баку. Последнее управление в известной степени носило уникальный характер, ибо одновременно ведало духовной жизнью и шиитов (они составляли большинство местных мусульман), и суннитов региона.

В мае 1944 г. для «государственного присмотра» над неправославными конфессиями, в том числе исламом, был учрежден Совет по делам религиозных культов при Совнаркоме (Совете Министров)

16 | Необходимо отметить, что встреча И.В. Сталина с Ишан-ханом Бабахановым не зафиксирована в известном справочнике: Посетители, 1998. Мы считаем, что данная беседа все же имела место и могла происходить где-то в другом помещении. Возможно, советский лидер хотел придать ей менее официальный и более частный характер.

СССР (СРК) [Одинцов, 1994, с. 110]. Его главой в 1944–1956 гг. являлся опытный чекист, занимавшийся «религиозным делом» еще в довоенное время, полковник НКГБ И.В. Полянский.

Работа СРК, созданного ранее, в 1943 г., Совета по делам Русской православной церкви, а также их общего преемника — образованного в декабре 1965 г. Совета по делам религий (СДР) — была вплоть до 1991 г. всегда тесно связана с органами госбезопасности. С 1917 г. чекисты бдительно отслеживали деятельность всех религиозных течений в стране, в том числе «мусульманства». Среди сотрудников СРК и СДР всегда присутствовали чекисты — офицеры резерва или отставники. Другую часть работников этих Советов составляли штатские сотрудники, чаще всего гуманитарии по образованию — философы, филологи, историки и др. Все они, как правило, были членами партии и проходили при поступлении на службу тщательную проверку в партийных органах и структурах спецслужб.

Задачи деятельности СРК были наиболее четко определены в преамбуле его отчета за 1949 г. По нашему предположению, эти установки были ранее сформулированы высшим политическим руководством страны, скорее всего лично И.В. Сталиным. В данном документе подчеркивалось, что главной целью деятельности СРК является осуществление «связи между Правительством СССР и руководителями религиозных объединений» для выработки по «мере необходимости» соответствующих «государственных решений». Ниже были перечислены основные направления деятельности СРК. Он должен был: «1) Неуклонно направлять деятельность религиозных объединений в СССР в сторону всемерного суживания ее масштабов и влияния на окружающую среду, наблюдая одновременно за тем, чтобы религиозными объединениями строго соблюдался декрет об отделении церкви от государства и все другие законы и постановления советского правительства в области религиозных культов¹⁷. 2) Ограничивать деятельность религиозных объединений пределами молитвенных зданий и только отправлением культа. 3) Осуществлять неослабное наблюдение за деятельностью религиозных центров и отдельных руководителей с целью предупреждения, смягчения или полной ликвидации через них наиболее вредоносных проявлений и форм религиозного влияния на окружающую среду. 4) Решительно пресекать деятельность всяких религиозных формирований, в основе вероучения которых содержатся положения антигосударственного характера или если они по своему направлению являются изуверческими или

17 | Имелись в виду прежде всего такие советские правовые документы, как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», принятый 20 января (2 февраля) 1918 г., и постановление ВЦИК «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

крайне-мистическими¹⁸. Вместе с тем Совет противодействовал деятельности всяких религиозных обществ, возникающих самовольно и пытающихся существовать явочным порядком. 5) Не препятствовать установлению или использованию международных связей некоторыми религиозными объединениями в СССР, но лишь в той мере, в какой они представлялись необходимыми прежде всего с точки зрения пропаганды существующей в СССР свободы религии» [Цит. по: Мусульманский..., 2009, с. 254–255]. Эти положения являлись руководством к действию для советских чиновников «от религии» на протяжении ряда последующих десятилетий.

Данная памятка наглядно свидетельствовала о том, что сделанные в середине 1940-х гг. определенные послабления в «религиозном вопросе» уходили теперь в прошлое — советская конфессиональная политика снова ужесточалась. При этом отношение к исламу все же было несколько иным, чем к другим культам, прежде всего по внешнеполитическим причинам. Начавшийся в 1945 г. обвал мировой колониальной системы, появление все большего числа независимых стран «третьего мира» с их многомиллионным мусульманским населением вынуждало советское руководство соблюдать некий «наружный антураж» в своей исламской политике. Допускался ежегодный хадж группы мусульман (правда, немногочисленной) в Мекку, постоянно принимались приезжающие в СССР политики из исламских стран и делегации мусульманских духовных лиц и т.д.

Особую роль здесь играла пропагандистская деятельность САДУМ и его руководства. Ташкент, Самарканд и Бухара стали своего рода витриной «советского ислама». Лишь на территории Средней Азии было разрешено создать подчиненные САДУМ мусульманские учебные заведения — медресе Мир-и Араб в Бухаре и спецшколу (позднее Исламский институт им. аль-Бухари) в Ташкенте. Однако и за САДУМ, и за другими исламскими духовными правлениями были сохранены прежде всего чисто богословские функции, а также контроль за деятельностью мусульманских духовных лиц в местных общинах («приходах»), учет мечетей и молитвенных домов [Ислам..., 2004, с. 364]. Мусульманские структуры теперь не занимались метрикацией новорожденных, исламский брак не имел юридической силы.

В начале 1960-х гг., во время хрущевской антирелигиозной кампании, исламское сообщество все же пострадало, но, пожалуй, меньше, чем другие конфессиональные группы СССР. В период брежневского правления (т.н. «застой» 1964–1982 гг.) по отношению к исламу, как и к другим религиям, стала проводиться более спокойная и умеренная политика, которая в литературе оценивается как курс на «сдержива-

18 | Под «крайне мистическими формированиями», действовавшими в исламской среде, несомненно, подразумевались суфийские братства. Показательно, что негативное отношение к суфизму и его последователям объединяло царские и советские власти.

ние» активности последователей религиозных культов¹⁹. Можно констатировать, что установилось своего рода неписаное соглашение между официально признанными исламскими духовными лицами и сотрудниками Совета по делам религий (пришедшего в 1965 г. на смену Совету по делам религиозных культов). Исламское «духовенство», соблюдая полную лояльность по отношению к советской власти, занималось нравственным «окормлением» своей паствы. Со своей стороны, работники СДР, внешне активно борясь за «торжество научного атеизма» и «изживание религиозных пережитков», на деле были не очень-то заинтересованы в успехе этого проекта. Все их весьма приличное по советским меркам материальное существование было обусловлено тем, чтобы происходившие в СССР секуляризационные процессы носили максимально замедленный характер. Ведь в случае исчезновения религии государству не будут нужны и профессиональные контролеры над ней. Тогда чиновникам СДР пришлось бы расставаться с насиженными служебными местами, пайками и всеми иными благами и привилегиями, кои давали должности в таком союзном органе исполнительной власти, каковым являлся Совет по делам религий при СМ СССР.

В декабре 1965 г. Советы по делам религиозных культов и по делам Русской православной церкви были преобразованы в единый орган — Совет по делам религий при Совете Министров СССР (СДР). Данная структура проработала до осени 1990 г. и была окончательно ликвидирована 1 декабря 1991 г. Официально предусматривалось, что СДР «контролирует соблюдение Конституции СССР, гарантирующей свободу совести, правильное применение и исполнение законов СССР, касающихся религиозных отправлений; проверяет соблюдение законодательства о культурах религиозными объединениями, центральными и местными религиозными организациями; принимает решения о регистрации и снятии с регистрации молитвенных зданий и домов; дает разъяснения по законодательствам о культурах; выносит обязательные предписания об устранении нарушений этого законодательства; осуществляет связь между правительством СССР и религиозными организациями в случаях возникновения вопросов, требующих разрешения правительства СССР. Совет имеет в союзных и автономных республиках, а также в краях и областях уполномоченных, которые ему подчиняются. Свои обязанности они исполняют в тесном взаимодействии с республиканскими, краевыми и областными органами советской власти. Совет содействует религиозным организациям в осуществлении международных связей, участии в борьбе за мир, за укрепление дружбы между народами». В реальности СДР как структура политического контроля и «присмотра» над религиями в первую очередь подчинялся

19 | Данное, в целом удачное, определение в отношении конфессиональной политики эпохи Л.И. Брежнева было предложено И.И. Масловой. Более подробно см.: Маслова, 2005.

«Инстанции», т.е. ЦК партии, и особо тесно сотрудничал со спецслужбами, прежде всего КГБ.

В 1980 г. в связи с советским военным вторжением в Афганистан резко ухудшились отношения СССР с мусульманским миром. В этой ситуации по указанию «Инстанции» (т.е. ЦК КПСС) работники СДР пытались как-то сгладить ситуацию, воздействуя на мировое исламское сообщество при помощи советских мусульманских деятелей. И чиновники СДР, и советские исламские духовные лица всячески дружно подчеркивали «процветание советского ислама» и стремились любыми путями оправдать действия СССР в Афганистане. Следует отметить, что особых политических дивидендов вся эта суэта так и не принесла: мусульманский мир продолжал в целом осуждать тогдашнюю афганскую политику СССР [подробнее см.: Ислам и советское государство, 2011].

Приход к власти в СССР в конце 1982 г. Ю.В. Андропова заставил наконец и сотрудников СДР перестать заниматься подтасовкой результатов своей деятельности в мусульманской среде и констатировать объективно существующие реалии. Так, в отчете о работе за 1982 г. СДР признавал, что на практике «в десятках тысяч (!) населенных пунктов вся религиозно-обрядовая практика находится в руках бесконтрольно действующих незарегистрированных мулл» [Цит. по: Мусульманский..., 2009, с. 261]. Таким образом, чиновники СДР фактически констатировали полный провал всей советской шестидесятипятилетней «атеистической» политики.

В период горбачевской перестройки (1985–1991 гг.) аппарат СДР с каждым годом все более стремительно отходил в своей деятельности от старых канонов. Речь уже не шла ни о каком «научном атеизме». Чиновники союзного СДР, а также созданного в 1986 г. аналогичного российского ведомства готовы были теперь тесно сотрудничать с исламскими кругами и хотели лишь одного — проявления лояльности по отношению ко все более слабевшему социалистическому строю государства. В то же время, в исламской среде происходили свои, достаточно неоднозначные процессы. Рост межнациональных противоречий, ранее сдерживаемый Москвой, привел к распаду Северокавказского и Среднеазиатского муфтиятов и к созданию вместо них республиканских и областных мусульманских управленческих структур. К середине 1990 г. союзные и российские политические круги при всех их внутренних и внешних разногласиях пришли к единому выводу — необходимости выбросить на свалку как ненужную рухлядь так называемый «научный атеизм» и все, что с ним было связано. Во второй половине 1990 г. союзный и российский СДР были упразднены. По новым законам СССР и РСФСР о религиозных делах конфессиональные вопросы теперь решали местные властные структуры. Союзный СДР был полно-

стью ликвидирован к 1 декабря 1991 г., через месяц прекратило свое существование и само союзное государство. Начался новый этап в истории отечественного исламского сообщества, связанный с теми процессами, которые стали разворачиваться как в Российской Федерации, так и на всем постсоветском пространстве и в зарубежном мусульманском мире.

Список источников и литературы

- Арапов, 2004 — *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М., 2004.
- Арапов, 2007 — *Арапов Д.Ю., Косач Г.Г.* Ислам и мусульмане по материалам Восточного отдела ОГПУ. Н. Новгород, 2007.
- Бабаджанов, 2003 — *Бабаджанов Б.М.* Бабахановы // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Вып. 4. М., 2003. С. 12–13.
- Бартольд, 1966 — *Бартольд В.В.* Халиф и султан // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1966. Т. IV. С. 74–75.
- Вдовиченко, 1997 — *Вдовиченко Д.И.* Энвер-паша // Вопросы истории, 1997. № 8.
- Восьмой съезд, 1959 — Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 г. Протоколы. М., 1959.
- Гилязов, 1989 — *Гилязов И.А.* Помещики Тевкелевы в XVIII — начале XIX в // Классы и сословия в период абсолютизма. Куйбышев, 1989. С. 78–79.
- Главное..., 1996 — Главное управление духовных дел иностранных исповеданий // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.). М., 1996. Кн. 1.
- Грамли, 1959 — *Грамли А.* Избранные произведения. М., 1959.
- Декреты..., 1957 — Декреты советской власти. М., 1957. Т. I.
- Зайончковский, 1970 — *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
- Ислам..., 2001 — Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика / Сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001.
- Ислам..., 2004 — Ислам на Европейском Востоке. Энциклопедический словарь. Казань, 2004.
- Ислам и советское государство, 2010 — Ислам и советское государство (1917–1936): сборник документов / Сост. Д.Ю. Арапов. Вып. 2. М., 2010.
- Ислам и советское государство, 2011 — Ислам и советское государство (1944–1990): сборник документов / Сост. Д.Ю. Арапов. Вып. 3. М., 2011.
- Литвинов, 1998 — *Литвинов П.П.* Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998.
- Лубянка, 2003 — Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003.
- Маслова, 2005 — *Маслова И.И.* Советское государство и Русская православная церковь: политика сдерживания (1964–1984). М., 2005.
- Министерство..., 1901 — Министерство внутренних дел: Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1901.
- Мусульманский..., 2009 — Мусульманский триптих: ислам и советская власть. 1917–1949–1982. (Публикация документов и примечания Д.Ю. Арапова) // Мир ислама. 2009. № 1 (2).
- Одинцов, 1994 — *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994.
- Одинцов, 2005 — *Одинцов М.И.* Власть и религия в годы войны. Государство и религиозные организации в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2005.

- Пайпс, 1994 — *Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. I.
- Под стягом..., 1992 — Под стягом России (Сборник архивных документов). М., 1992.
- Посетители..., 1998 — Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924–1953. Алфавитный указатель // Исторический архив. 1998. № 1.
- Пресняков, 1990 — *Пресняков А.Е.* Российские самодержцы. М., 1990.
- Русская..., 1996 — Русская старина. Путеводитель по XVIII веку. М.–СПб., 1996.
- Сборник..., 1905 — Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского Магометанского Духовного Собрания 1836–1903 гг. Уфа, 1905.
- Сперанский, 1961 — *Сперанский М.М.* Проекты и записки. М.–Л., 1961.
- Татищев, 1950 — *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950.
- Темниковский, 1898 — *Темниковский Е.* Государственное положение религии во Франции с конца прошлого столетия в связи с общим учением об отношении нового государства к религии. Казань, 1898.
- Торнау, 1991 — Изложение начал мусульманского законовещения / Сост. Н. Торнау М., 1991 (Репринт изд. 1850 г).
- Усманходжаев, 2008 — *Усманходжаев А.* Жизнь муфтиев Бабахановых: служение возрождению Ислама в Советском Союзе. М., Н. Новгород, 2008.
- Чеботарева, 2004 — *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики М., 2004.
- Юнусова, 1999 — *Юнусова А.Б.* Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.